

⁹² Ошибочно: «Алаш-Орда» избрана полномочным общекиргизским съездом и ни в какой санкции не нуждается» (Там же).

⁹³ Курсив отсутствует (Там же).

⁹⁴ Вместо «в» ошибочно: и (Там же).

⁹⁵ Ошибочно: начало (Там же).

⁹⁶ Ошибочно: «буржуазной» (Там же).

⁹⁷ Кавычки отсутствуют (Там же).

⁹⁸ Изначальных (Там же).

⁹⁹ Ошибочно: «верховного» (Там же. С. 25).

¹⁰⁰ Курсив отсутствует (Там же).

¹⁰¹ Кипчак-оглы — псевдоним М. Чокаева.

№ 35

Статья «В советском Туркестане»

19, 26 июля, 2 августа 1920 г.¹

V

От редакции. Приводимая ниже статья полностью перепечатана из № 133 московской «Правды» (от 20 июня с.г.)².

Нового в ней для кавказских читателей только то, что она написана ответственным представителем советского центра. Когда на страницах местной прессы о Туркестане и о «господах ташкентцах» в коммунистическом издании писали в тех же самых выражениях туркестанцы не большевицкого лагеря (например, Мустафа Чокаев), коммунисты называли это выдумкой и клеветой на советскую власть.

Какова деятельность туркестанских большевиков, можно заключить из того, что слова: «советская власть», «коммунистическая партия», «социалистические декреты», в применении к Туркестану, взяты в кавычки самим автором статьи «Правды».

Вместо комментариев к этой статье мы обращаем внимание читателей на другую статью в этом же № «Вольного горца» («В советском Туркестане»), принадлежащую перу недавно прибывшего из Туркестана сарта.

В СОВЕТСКОМ ТУРКЕСТАНЕ

(Перевод с сартского)

Трудно жить в «красном» Туркестане.

Трудно, как только можно представить себе жизнь в стране, где организованное доносительство и шпионаж возведены в государственную систему, где обыватель (иного термина для граждан красного Туркестана трудно подобрать), должен верить людям партии даже тогда, когда те скажут, что «отелился бык».

Жутко становится жить, когда уважение к личности человека, не принадлежащего к партии большевиков, считается буржуазным предрассудком, беспощадную борьбу с которым советская власть считает альфой и омегой всей своей государственной деятельности.

Жутко до кошмарности жить в среде, где люди партии, т.е. коммунисты, то же, что, по толкованию религиозных фанатиков, люди Писания, для которых только и открыт путь познания Бога. Разница в том, что эти последние надеются получить вознаграждение за праведную жизнь на том свете, где нет человеческих страстей и потребностей, а большевики вознаграждают себя здесь среди моря людских несчастий.

Жить в «красном» Туркестане — это значит находиться все время на канатном мосту «Сырат» («тоньше волоса и острее меча»), протянутом через «джеханнам» (геенну), по которому перед Судным днем ангелы прогоняют людей. Одни, избранные (применительно к «красному» Туркестану — красноармейцы и вообще все большевики), проходят свободно; другие, у кого добро и зло весит одинаково (этой категории соответствуют так называемые сочувствующие и советские служащие), проходят скользя; наконец, третьи, у кого зло перевешивает добро (этому в Туркестане соответствует вся остальная масса населения, в том числе почти все мусульманское население), падают вниз в геенну, где каждый самый незначительный по величине уголек нагревает мученика 40 раз сильнее, чем все земные огни вместе и где каждый миг по продолжительности своей равен 40 годам земной жизни...

Но люди все-таки живут в этом «красном аду». Они привыкли так же, как и грешники в аду, где будто они настолько привыкают к мучениям, что даже играют, перебрасываясь друг с другом горячими углями.

Не без некоторого умысла взяты здесь примеры из мира эсхатологии, ибо сартовское население красного Туркестана, превращенное в пассивный объект революционно-покровительственного деспотизма, изверилось в осуществимость обещанного большевиками социалистического братства и даже просто демократического равноправия.

Сарты стараются обыкновенно скрывать свои дурные мысли даже от себя, ибо, по их поверию, на левом плече каждого человека сидит ангел и записывает все дурное, что приходит к нему на мысль. Но эта запись уравнивается записью другого ангела, ведущего регистрацию всех хороших дел и мыслей.

В «красном» Туркестане ведется запись только «дурным» делам, а дурно все, что не нравится большевикам, и скрыть что-либо от них очень трудно.

«Дьявол людской (шпион) хуже дьявола Божьего», — говорят у нас. И малейший изгиб твоих мыслей, острием обращенных против уродливостей советского режима, становится известен и тебя ждет мука красной геенны.

Мы даже мыслить должны по-большевицки. Что коммунисты хотели бы, чтобы мы не дышали свободно в меру своих легких.

Еще совсем недавно нас в Туркестане морили голодом.

Туркестанские большевики умудрялись создавать такие препятствия к получению хлеба мусульманским населением, что, если бы нельзя было обнаружить подтверждающие это документы, то трудно было бы даже поверить.

Так, в 1918 г. в Ташкенте приезжие в город киргизы могли получать хлеб только в отдаленных окраинах города, а сартам, прибывающим из одного города в другой, вовсе не выдавались продовольственные карточки.

Это было как раз в тот момент, когда туркестанские большевики закладывали фундамент будущей Туркестанской советской республики.

Когда десятками и сотнями тысяч умирали сарты и киргизы от голода, у комиссара продовольствия большевика Першина (бывшего оренбургского охранника) между Оренбургом и Ташкентом пропадали сотни вагонов пшеницы и муки.

Теперь мы вышли из этого голодного состояния, по крайней мере, не наблюдается больше случаев смерти от голода. Это не потому, что советская власть стала равномерно распределять продукты среди населения, а само сельское население, наученное горьким опытом недавнего прошлого, заботится о себе и прячет всякий продукт.

Если есть преступления, которые нельзя забыть и простить, то к числу их относится бесчеловечная голодная блокада сартовского и киргизского населения туркестанскими большевиками.

Только расследованием и раскрытием истинных виновников смерти от голода около миллиона мусульман советская власть может думать о появлении доверия к ней.

Ссылкой на «дутовскую пробку» можно обманывать тех, кто не знаком с географией района. Атбасарский и Актюбинский хлебные районы во все время голода находились в руках большевиков.

А разрушение Коканда? Разве забудут когда-нибудь туркестанцы это кошмарное преступление большевиков? Оно было настолько чудовищно, что так любящие говорить о разорении контрреволюционных гнезд большевики ни единым словом не обмолвились об этом.

Туркестанские большевицкие газеты не печатали даже официальных отчетов о «кокандском мирном договоре», свидетельствовавших об их победе над «бандами кокандских автономистов». Большевики не хотели, конечно, чтобы оставались хоть какие-нибудь следы их преступления. Но все это запечатлено в сердце каждого туркестанца.

Даже коммунисты-мусульмане не могут равнодушно вспоминать о жутких днях Коканда.

Советская власть принимает все меры, чтобы вытравить из памяти мусульман кокандский разгром, но поведение местных большевиков (русских) расстраивает все планы центра. Они ведут борьбу со всякими проявлениями жизни. Никаких газет, кроме большевицких, конечно, нет. Никаких собраний, кроме большевицких, не разрешается.

У нас издавна существовал обычай собираться каждый четверг вечером небольшой компанией близких людей на так называемый гяб (беседа), где присутствующие, наряду с воспоминаниями о далеком прошлом, позволяли себе некоторую невинную роскошь непринужденного здорового веселья. Теперь и это воспрещено.

Бессильны бороться туркестанские большевики лишь против молитвенного настроения туркестанских сартов.

Фергана — это сплошной молитвенный дом. Молятся все.

Особенной многолюдностью отличаются пятничные молитвы. Больше и горячее всех молятся мусульмане-коммунисты. Они обращаются с мольбой к Аллаху, чтобы он простил им их вступление в партию большевиков.

«Ради сохранения жизни своей семьи, ради продления себе возможности славить Твое величие, Аллах Всемогущий, я вынужден стать большевиком. Да будет милость Твоя надо мною», — вот заключительные слова молитвы мусульманских коммунистов.

Таковы странички из жизни Туркестанской «социалистической» республики. Более подробно я остановлюсь в следующем очерке.

VI

Статья московской «Правды»³ о Туркестане, напечатанная в местных газетах («Вольный горец» № 45 и «Слово» № 156⁴), несколько облегчает мою задачу, ибо если бы под тем, что написано в «Правде» стояла подпись моя или кого-нибудь из туркестанских мусульман, мы бы, конечно, не избегли упрека в преувеличении и даже, быть может, это назвали бы выдумкой.

Так, оказывается, и было с сообщениями Мустафы Чокаева. Все, что происходит в советском Туркестане, и по сие время «весьма и весьма своеобразно»⁵. «“Деятели и сеятелями” ныне отходящей в прошлое эпохи»⁶, т.е. двух первых лет советской власти, совершено столько невероятного, что нужно иметь официальное положение представителя советского центра, чтобы говорить о «вере мусульманской бедноты в правду коммунистической партии и центральной советской власти и рвении к ней»⁷.

Я перейду к дополнению и иллюстрированию некоторых мест статьи «Правды».

Считаю долгом отметить, что Сафаров⁸ преувеличивает роль стрелочника перовского «самодержца Гержота»⁹. Во-первых, в Перовске был не один самодержец Гержот (мелкий почтово-телеграфный чиновник), а их было там несколько, как например, Жердев (солдат), Х. Ибрагимов (киргиз, бывший переводчик) и др.

Следуя «Правде», я остановлюсь тоже на некоторых сыгравших в Туркестане выдающуюся роль в деле угнетения коренного населения «деятели и сеятелях» «социалистической» революции в Туркестане.

1) Федор Колесов — коммунист (мелкий железнодорожный чиновник) — бессменный председатель Туркестанского совнаркома в течение первого года советской власти, человек без революционного прошлого. Служил в г. Уральске в Красном Кресте и при удалении со службы выкрал книжку для сбора членских взносов и попался на месте преступления на квартире у ген. Толстухина¹⁰.

2) Доктор Успенский — коммунист, был заместителем Колесова. До революции отъявленный черносотенец, заставлявший киргиз и сартов (в г. Туркестане) на улицах кланяться портрету Николая II, он находил, что при малочисленности русского элемента в крае вводить земские учреждения не следует и что мусульмане не доросли до земского самоуправления.

3) Першин¹¹ (рабочий) — коммунист. Раньше работал в оренбургской охранке под кличкой «Майский».

4) Черневский Н.И. (комиссар земледелия, торговли и промышленности) — левый эсер, один из организаторов 300-патриотического «Общества 1914 г.». В сентябре 1917 г. удален с Краевого съезда с[оветов] с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов] за позорное для имени революционера поведение в прошлом.

5) Хусаин Ибрагимов (киргиз). Раньше служил переводчиком в Самаркандском окружном суде и был удален со службы за систематическое извращение в переводах. В начале октября 1917 г. был выставлен кандидатом в Учредительное собрание. В конце того же октября Х.И. становится коммунистом, а 30 апреля 1918 г. избран комиссаром юстиции Туркестана.

6) Перфильев — военком. Прапорщик. Революционное прошлое неизвестно. О нем известно следующее: 21 февраля 1918 г. в Коканде он взял на хранение из кассы национализированного Вадьяевского товарищества 170 000 руб., предназначенных для выплаты жалованья служащим, и обратно их не вернул. После, когда об этом стало известно в прессе (см. Бюллетени «Туркестанской искры»¹² за март и «Бюллетени Центрального комитета «Лоймасмыл»¹³, — протокол № 3 от 12 марта 1918 г.) он, Перфильев, приказом по Туркестанскому краю от 23 марта 1918 г. за № 68, ввиду поданного им телеграфного заявления, по причинам личного характера, освобождается от обязанностей народного комиссара по военным делам Туркестанского края.

* См. ташкентскую большевицкую «Нашу газету», № 58, от 28 марта 1918 г. Прим. док.

Полагаю, что достаточно и этих имен, к тому же игравших в Туркестане выдающуюся роль в деле «насаждения» или, как выражается автор статьи «Правды», «издевательства над принципами коммунизма»¹⁴, чтобы иметь представление об освободительном характере «социалистической» революции в Туркестане.

Теперь о фронтах. Из упомянутых в «Правде» 4 фронтов естественным, т.е. не созданным усилиями самих «господ ташкентцев»¹⁵, является лишь Аральский, вернее, Оренбургский фронт, где происходили бои с дутовцами.

Асхабадский, так же как и пропущенный «Правдой» Бухарский фронт, создан исключительно «революционными» стараниями ташкентских комиссаров.

Июньское (1918 г.) возмущение асхабадских и кизил-арватских рабочих вызвано не «контрреволюционным» настроением последних (т.к. асхабадцы и кизил-арватцы были противниками созыва Учредительного собрания и стояли за настоящую народную рабоче-крестьянскую власть, но против власти ташкентских узурпаторов*, а бессмысленными мероприятиями ташкентских «циников».

До каких «границ дошел цинизм» туркестанских комиссаров, [можно] заключить из следующего.

Колесовым было предложено некоему Фролову, раньше работавшему в Самарканде, на выбор: или Фролов должен доказать свою преданность социалистической революции беспощадным подавлением асхабадских и кизил-арватских мятежников, и в этом случае он получал пост чрезвычайного комиссара, или он за свои предыдущие деяния должен быть посажен в тюрьму.

Фролов, конечно, пожелал быть чрезвычайным комиссаром и на деле доказал свою преданность революции, убив посланных к нему для переговоров 4 представителей рабочих.

Что касается борьбы с так называемыми кокандскими автономистами, то она создана исключительно «революционными колонизаторами», считавшими, что «единственным носителем пролетарской диктатуры в Туркестане может быть только русский»¹⁶.

«Кокандские автономисты», признавая центральную советскую власть и, соглашаясь в принципе с советской организацией власти в Туркестане, не могли, однако, вверить власть и судьбу страны всем этим хорошо им знакомым Колесовым, Успенским, Першиным и т.п.

Кокандская автономия была провозглашена краевым съездом, на котором присутствовал также и представитель Туркестанского совнаркома. Автономия просуществовала два месяца и ни одного раза не проявила своего враждебного отношения к Советроссии.

Только боязнь за свою власть толкнула «колонизаторов»¹⁷ типа Колесова и Успенского на провокационную борьбу с безоружными мусульманами.

Нынешний Ферганский фронт является непосредственным продолжением борьбы с кокандскими автономистами, хотя сами ферганские «басмачи» не имеют ничего общего с автономистами.

Тот, кто знаком с нынешним положением дел в Туркестане, должен констатировать, что автор статьи «Правды» Сафаров несколько расходится с истиной, когда говорит, «что “центр” ставит вопрос о борьбе с национальным гнетом, о национальном самоопределении с полной ясностью и революционной последовательностью».

Этого нет и быть не может до тех пор, пока нужных для самоопределяемого Туркестана работников будут выписывать из Питера и Москвы.

«Ясность и революционная последовательность»¹⁸ в национальном самоопределении будет тогда и только тогда, когда работников привлекут из среды самой «компактной массы коренных народов»¹⁹ Туркестана.

Вне этих условий «опыт строительства советской власти»²⁰ здесь не может служить тем «революционным образцом для всего Востока, для всех народов Востока»²¹, о котором думает «Правда». Многие представители «компактной массы коренных народов Туркестана», объявленные в свое время «примазавшимися охранниками»²², (теми, которые, по словам «Правды» пользовались «рабско-наемным трудом пролетариев-киргиз», выселяли «киргиз по указке кулаков с занимаемых теми земель», кто значительную «часть всех “национализаций”, “реквизиций” и “конфискаций”» сводили «к простому грабежу»), — врагами туркестанских народов, до сих пор еще не имеют возможности вернуться в родную среду и принять участие в революционном строительстве.

Последствия «террора примазавшихся охранников»²³ продолжают иметь силу и по настоящее время, когда в Туркестане находятся комиссии ВсеЦИКа и ЦК РКП...

Я это говорю с твердой уверенностью и на основании фактов.

«Национальное неравноправие в Туркестане, неравенство между европейцами и мусульманами сказывается во всем и на каждом шагу»²⁴ и по сие время. Правда, не в прежней грубой форме.

* Впоследствии в процессе развития борьбы при частых переменах состава Закаспийского правительства выплыл лозунг Учредительного собрания. *Прим. док.*

Теперь все проходит под флагом *подготовки и развития классового самосознания* мусульманской бедноты.

Да, мусульманская беднота верит в «правду центральной советской власти и коммунистической партии»²⁵, но эта правда не правда декларативных обещаний, а правда действительной жизни, которая будет похуже всякой лжи и клеветы на советскую власть.

Ограничивая этот свой очерк по необходимости рамками статьи московской «Правды», я следующую статью посвящаю действительной правде о Туркестане.

VII

С тем, что писалось и говорилось о Туркестане, мы знакомы давно. Редкие смельчаки, которые пробирались отсюда в Закаспийскую область и Ташкент, привозили с собою эти статьи, а оттуда они в копиях попадали и в другие места.

Едва ли в Туркестане найдется хоть один человек, который бы взял на себя смелость опровергнуть правильность появлявшихся в здешней прессе сведений об этой поистине несчастной стране. Наконец, сведения эти получили авторитетное подкрепление представителя ВЦИК Сафарова, который своей статьей в № 133 московской «Правды» кладет на них печать официального признания.

Мнение другого ответственного представителя советского центра Г.И. Бройдо хорошо известно в Туркестане по той чистке, которую он совместно с Сафаровым производит там среди туркестанских большевиков.

Я не буду и не хочу писать о политических настроениях коренной массы туркестанского населения, ибо это очень трудная и не совсем мне доступная задача.

Но я хорошо знаю правду туркестанской действительности, знаю всю нынешнюю обстановку и условия жизни туркестанских сартов и киргиз.

И если *настроения* народной массы создаются обстановкой и условиями действительности, то пусть сами читатели сделают соответствующий вывод.

Мы знаем, что и в самой России условия жизни не важны, что и там население (русское) живет впроголодь. Но есть разница между Россией и Туркестаном.

Если советская власть в России, возглавляемая и руководимая (в центре) революционными деятелями, все свои мероприятия оправдывает именем властей самих эксплуатируемых русских крестьян и рабочих, то в *мусульманском* Туркестане «советская власть», возглавляемая «охранниками» и черносотенцами, «утвердилась... как власть тонкого слоя *русских*²⁶ рабочих»²⁷, установила на край «колонизаторскую»²⁸ точку зрения и то положение, что единственным носителем пролетарской диктатуры здесь может быть только *русский*.

В России советская власть всю землю передала беднейшему крестьянству, а в Туркестане «советская власть» выселяла «киргиз с занимаемых теми земель», передавая их ««истинно-русскому» кулачью»²⁹.

В России советская власть осуществляется в форме диктатуры пролетариата (ничего, что это вылилось в форму диктатуры коммунистической партии), а в Туркестане «советская власть» установила небывалый до сих пор «*национальный гнет*».

Вот эта *разница* в обстановке и условиях действительности России и Туркестана должна быть принята во внимание при учете настроения коренного туркестанского населения. Эта *разница* объективно приводит к выводу, что нынешнее настроение туркестанского населения должно быть характеризуемо как настроение национального угнетения.

Тем *обиднее*, тем глубже проникает это настроение и тем острее его переживание, что свои эксперименты «господа ташкентцы» прикрывали знаменем восточной освободительной революции, именем освобождения мусульманских стран и народов.

Если кровь красноармейцев, пролитая на фронтах российской контрреволюции, гуще окрашивает красное знамя пролетарской революции и повелительно толкает большевиков к неприемлемой борьбе со своими противниками, то кровь невинно погибших из-за голодной блокады, устроенной туркестанской советской властью при «откочевании» от «самодержцев» типа Гержота или убитых из-за угла истинно-русским кулачем мусульман темнее окрашивает траурную мысль угнетенного народа.

Пройдитесь сейчас в эти дни по Туркестану, не по городам, где лишь небольшая кучка населения, а по кишлакам и аулам, где живут миллионы мусульманской бедноты, и вы увидите и убедитесь сами, до какой степени нищеты доведена эта богатейшая страна.

Первое, что бросается в глаза, это могильные холмики. Им нет числа! Некоторые местности стали называться «*Голодные мученики*». Это — где умерло слишком много народу от голода.

Есть селения, где вымерли абсолютно все жители до одного...

Затем вы будете поражены необыкновенно большим числом нищенствующих.

Оборванные, большею частью почти голые или завернутые в шкуры животных ходят толпы нищих, как предметное доказательство установленного туркестанской советской властью социального равенства и как живое свидетельство освобождения народа от хищников.

Особенно много нищих среди киргизского населения, которое никогда раньше не было знакомо с этим социальным злом.

Есть специальная молитва у этих нищих.

Вот она:

«Велика и недоступна слабому уму человека премудрость создателя неба и земли и восемнадцати тысяч миров. В каждом из тысячи и одного имени Великого Творца звезд на небе и букашек на земле и Царя царей тысяча и одна премудрость...

В Его воле — свет превратить в тьму и тьму в свет.

Премудростью Его земля держится на рогах быка... Чтобы испытать верность к себе погрязшего в океане грехов человечества, чтобы сломить гордыню людскую, Великий Творец миров, Бог Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Давида, Иисуса — сына Марии, Мухаммеда и всех ста двадцати четырех тысяч пророков, ниспослал на землю в образе человека болезнь всех болезней, именуемую большевиками.

Верующие! Кайтесь и молитесь! Они, как “даджал” (антихрист), с сладкими для ушей ваших словами о свободе и освобождении, ведут землю вашу к освобождению от вас самих.

От многих кишлаков остались лишь одни названия и цветущие оазисы превращены в бесплодные пустыни...

Гнев Аллаха на нас будет продолжаться до тех пор, пока люди не отвернутся от большевиков.

Да будет милость Аллаха над нами.

Да просветит Он затуманившееся сознание людей!

Да очистит Он сердца их! Аминь!»

Вот возглас, который раздается из кишлаков и аулов в ответ на провозглашаемый туркестанской советской властью «социалистический интернационал».

Как ни печально и, если хотите, ни страшно сознавать, но в этой молитве выражена вся сущность понимания мусульманской массой того, что в Туркестане большевики преподносят ей под именем «социалистической революции».

Если бы это «молитвенное» настроение не охватило весьма широкие круги кишлачной и аульной бедноты, я бы не стал занимать внимание читателей.

Трагизм коренного мусульманского населения Туркестана заключается в том, что оно не понимало и не могло никак понять, во имя чего, во имя каких благ в будущем оно приносит столько жертв. Оно слышало слова о свободе, освобождении, самоопределении, а на деле же видело угнетение, истребление и хозяйничанье «примазавшихся охранников».

И мысль освобожденной бедноты, всегда отличавшейся религиозностью, нашла выход в молитве, в обращении за помощью к Богу.

Наши работники, не будучи сами большевиками, во имя физической сохранности населения шедшие на все уступки советской власти, были изгнаны из края Колесовыми, Успенскими, Першинными, ибо присутствие тех среди народа угрожало власти бывших охранников.

Центральная советская власть только по истечении двух лет удосужилась обратить внимание на стоны туркестанского населения и послала в край комиссию.

Нет спору, результаты работ этих комиссий сказались в увольнении и предании суду революционного трибунала многих из прежних «самодержцев».

Но ведь, как бы ни были значительны сами по себе эти лица, все-таки не в них одних только зло.

На своеобразной почве Туркестана, где и при существовании социального неравенства нет еще до сих пор классового самосознания, где поэтому идея самоопределения возможна только как самоопределение нации, вообще должны быть созданы несколько иные условия для созидательной *освободительной* революционной работы.

Московские и питерские образцы, как бы они ни казались и ни являлись на самом деле совершенными с точки зрения большевиков, для Туркестана не годятся.

В кишлаках и аулах верят в силу советской власти так же, как верят в силу болезни, но не верят там в правду советской власти. Потому что правда эта, пока только официальная, но может выбраться за городские стены, потому что светом правды освещается только одна сторона дела.

Кишлаки и аулы, т.е. тот элемент, потом и кровью которого пустыни Туркестана превращены в цветущие сады, на чьих костях «деятели и сеятели» Восточной освободительной революции

укрепляли свою власть, все еще не видят правды советской власти. Эта правда, если она есть на самом деле, сартам и киргизам должна быть разъяснена в доступной форме и на понятных для них языках бескорыстными, знающими жизнь народа людьми.

Где и кто читает издающуюся в Ташкенте на *татарском языке* газете газету «Иштракиун» («Коммунист»)? Ведь сарты, именно те слои, чьи интересы газета предназначена защищать, ее не понимают. Не понимают и потому не читают ее вовсе и киргизы.

Ведь революция поверхностно захватила только самую незначительную часть городского населения, а там в глубине огромной страны, где бьется настоящая трудовая жизнь, где люди потом и кровью орошают безводные пустыни, там мы слышим... молитву об избавлении от большевиков. Но, к несчастью, в Туркестане большевик стал синонимом революции. И когда в мечетях раздаются молитвенные возгласы об избавлении от русских большевиков, то этим выражается также пожелание об избавлении от революции вообще.

Вот в чем ужас туркестанской правды.

Хакимджан³⁰

Вольный горец (Тифлис). 1920. 19, 26 июля, 2 августа.

¹ Дата публикации.

² Не публикуется.

³ Речь идет о статье «Туркестан», опубликованной в «Правде» 20 июня 1920 г.

⁴ Точнее, № 150 от 6 июля 1920 г. Здесь помещена заметка под названием «В Туркестане», направленная корреспондентом из Владикавказа 26 июня 1920 г. на основании бесед с прибывшими из Туркестана очевидцами происходивших там событий.

⁵ Используется следующая фраза из вышеупомянутой статьи в «Правде»: «... весьма и весьма своеобразное...»

⁶ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

⁷ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде»: «В “центр”, в крепость, силу и правду центральной советской власти и коммунистической партии мусульманская беднота верит очень твердо...»

⁸ Сафаров (наст. фам. Вольдин) Георгий Иванович (1891–1942) — большевик с 1908 г., в эмиграции в 1912–1917 гг. После Октябрьского переворота на партийной и советской работе. Во время гражданской войны подготовил ряд публикаций по ситуации в Туркестане. Здесь речь идет о его статье «Колониальная революция. Опыт Туркестана» (Коммунистический интернационал. 1920. № 14) и его же книге «Колониальная революция. (Опыт Туркестана)» (М., 1921).

⁹ Гержот (Гержод) Иосиф Иванович — председатель Перовского совета, в октябре 1919 г. арестован.

¹⁰ Правильно: Толстов Сергей Евлампиевич (1849–1921) — генерал от кавалерии (1905 г.), после отставки в 1905 г. приехал в г. Уральск, где жил до 1918 г.

¹¹ Першин Александр Яковлевич (1874–1919) — большевик с 1903, слесарь, с 1916 г. работал в Ташкенте в Среднеазиатских железнодорожных мастерских. После Февральской революции 1917 г. член исполкома Ташкентского совета. Делегат I Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. После Октябрьской революции заместитель председателя исполкома Ташкентского совета и нарком продовольствия Туркестана.

¹² Бюллетень «Туркестанской искры» — орган Крайсовета рабочих печатного дела Туркестанского края (1917–1918 гг.).

¹³ Правильно: «Хлопмасмыл» — профсоюз рабочих, мастеровых и служащих хлопко-очистительных, маслосеяно-мыловаренных и ватных предприятий Средней Азии. Создан летом 1917 г. в Коканде.

¹⁴ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

¹⁵ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

¹⁶ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

¹⁷ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

¹⁸ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

¹⁹ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²⁰ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²¹ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²² Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²³ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²⁴ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²⁵ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²⁶ Курсив туркестанского автора.

²⁷ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

²⁸ Цитируется статья из «Правды».

²⁹ Цитата из вышеупомянутой статьи в «Правде».

³⁰ Возможно, Хахим Ахмед-Наим — уроженец Бухары, журналист, эмигрант.